

Грейнджер

Приходящий с ночью пурпурный туман — единственная для нас, мертвых мальчишек, возможность пополнить запасы провизии и главное — напиться крови. Без нее мы протянем недолго. Как и без еды. Иссохнуть никому не хочется. Взять того же Ромео. Он настолько помешан на своей внешности, что готов тащить на несколько фунтов белковых продуктов больше, чем громила Базз. А за последнее в холодильнике яйцо и прибить может. Впрочем, я за свои йогурты тоже. И за их перестановку тоже.

Порядок в доме — порядок в голове.

Сколько себя помню, я любил все систематизировать. Если предметы стояли не в нужной мне последовательности, начиналась истерика. До поступления в школу многое в моем поведении списывалось на капризы, а после жизнь усложнилась. Я изо всех сил пытался контролировать свои реакции, но не мог. Не понимал, почему отличаюсь от остальных детей. И эта непохожесть становилась заметнее из года в год.

Первое время — в начальных классах — родители относились с пониманием. А иногда я слышал их разговоры за закрытой дверью, где папа успокаивал маму и просил ее проявить терпение. Она всхлипывала и соглашалась. Тогда пришло осознание, что слезы матери и задержки отца на работе — *моя вина*.

Я — бракованный.

Черная дыра, поглощающая всех вокруг.

Но начиналось все постепенно... С трех лет я расставлял игрушки по размеру: от трицератопса до тираннозавра, от диплодока до аргентинозавра. Став постарше, стратегию я неосознанно поменял. На седьмой день рождения мне подарили раскраску и целую гору фломастеров. Я настолько увлекся процессом, что не заметил, как разложил все по цветам.

Подход к динозаврам вскоре изменился. Теперь я систематизировал их по окрасу шкур и оперения, сверяясь с многочисленными иллюстрациями из книг. Возможно, это — оглядываясь назад — и стало для мамы последней каплей. Ведь до того она искренне верила: ее ребенок *ничем* не отличается от сверстников.

В детстве взрослые без особых усилий принимали правила моих игр. Умилялись моим проявлениям и считали их не более чем забавой — ярким гетерогенным* раствором в колбе среди гомогенных** смесей. Однако стоило этим правилам измениться — и все посыпалось.

Часто нас забавляют поступки детей, но с их взрослением мы ожидаем социально приемлемого поведения. Когда этого не происходит, всегда следует разочарование. Родители перестали меня принимать и постоянно нарушали мой распорядок. То забудут расположение носков в тумбе, то не в той цветовой последовательности выстроят чашки в сушилке... А еще вчера мы с папой вместе раскладывали фломастеры. Почему все изменилось? Каждый такой сбой в моей системе приводил к турбулентности, а за ней, точно доказательства за гипотезой, следовала сенсорная перегрузка и срыв.

* Гетерогенный — неоднородный.

** Гомогенный — однородный.

В один из плохих дней мама впервые на меня накричала. Ее лицо покрылось багровыми пятнами. Руки дрожали. Из глаз на разрисованный линиями ковер падали слезы. Она долго кричала, а после — наверное, терзаясь муками совести, — плакала и обнимала меня, а я терпел и стискивал до боли зубы.

Вернув контроль над эмоциями, мама попросила прощения, и я на словах простил, поскольку не был уверен, что именно это означает. А в глубине меня, между нейронами — в синапсах — непонятные чувства циркулируют до сих пор. Как светлячки, которые двигаются по известной лишь им траектории, вдоль дороги. По той, которую жители Гровроуза позабыли из-за высланного деньгами шоссе.

Поодаль в высокой траве стрекочут сверчки, а на милою вокруг слышны редкие автомобили, направляющиеся в большой город или казино. Из мотеля доносится смех. Я надеваю наушники и остаюсь наедине с собой. Бывает, даже собственные мысли такие шумные, что помогает лишь одно: уйти в цветущую рощу, лечь на землю и считать звезды, пока не наступит заветная тишина.

В магазинчике при заправке темно. Никаких раздражителей, кроме шума фильтра в аквариуме с пурпурной рыбкой-клоуном по имени Марлин. Поэтому я и предпочитаю собираться перед вылазкой заранее. Иначе тут не протолкнуться, а галдеж стоит такой, что не выдерживаю даже минуты.

В город мы всегда ходим группами. В пурпурном тумане нас поджидают неактивированные *фантомы*, принимающие облик людей, и зовем мы их *лавандерами*. Лица у них человеческие, а выглядят настолько искусственно, словно их облили фиолетовой краской. И носят они в себе наши непрожитые травмы, которые только и ждут повода, как бы развиться до черной сущности со светящимся оком и нас

поглотить. Так оно и происходит: *лавандеры* лишь начальная ступень. Один неосторожный шаг — пиши пропало. Перейдут, точно в игре, на уровень выше, а за ним, возможно, есть еще. Считаю, мегабосс. Но с подобным мы пока не сталкивались.

Я переключаю рубильник на стене магазина — и подвесные лампы, мигая одна за одной, освещают небольшое помещение. Раньше тут продавали предметы первой необходимости: теплую — из-за постоянно ломающегося холодильника — газировку, снеки и уйму контрацепции. Заходя сюда, я бросал взгляд на разноцветную полку с латексом и задавал отцу вопросы о сексе, совсем не понимая, почему он сгорал от стыда.

После сокращения из-за закрытия автомобильного салона отцу приходилось ездить в филиал соседнего города. Иногда по выходным он брал меня с собой, и я проводил там всю смену. Играл в кабинете и изредка высовывал нос, разглядывая машинки взрослых. Если продажи шли хорошо, мне разрешалось порулить понарошку. До педалей я не доставал, но это и неважно. Те мгновения — одни из самых счастливых в моей короткой жизни. Потому что за ними... просвета нет.

Глаза привыкают к яркому свету, и я прохожусь по рядам. Сейчас полки забиты всем необходимым для ночной вылазки. От сигнальных огней, бинтов, батареек, собачьих свистков до спичек и баллончиков, которые легко воспламеняются. Когда в генераторе заканчивается бензин, мы используем свечи. Нет свечей? Восковые мелки горят примерно полчаса. А еще «Читос» и «Доритос». Не спрашивайте меня. Задайте этот вопрос пустоголовому Баззу.

Я подхватываю из коробки изоленту и кладу в рюкзак. «Марсианин» четко дал понять: она залатает и скафандр, и жилой модуль. А уж с *фантомами* и подавно справится.

Это, конечно же, шутка. Юмор у меня такой. Только обычно никто не смеется.

«Жаль, ей сердце не обмотать», — сказал мне однажды Ромео, пока мы сидели на крыше, наблюдая за метеорным потоком Геминиды.

А я ему и ответил: «Придется вскрыть грудную клетку». Почему-то оказалось не смешно.

Зато изоленту удобно использовать в быту. Например, вместо пластырей для ног, а потом отдираешь ее с мозолью и диким воплем (последнее — мой личный опыт). И этот совет я заметил в журнале для охотников в разделе «Выживание в лесу». С тех пор на их вывеску с гризли смотрю с подозрением. А что до бега, то в *нежизни* без него никуда...

Вы читали повесть «Мгла» Стивена Кинга? Я — нет, и не собираюсь. Кензи рассказывал, что по сюжету городок охватывает таинственный туман, и группа людей застревает в супермаркете, сходя с ума от давящей изоляции. Однажды мне пришлось провести ночь в аптеке, окруженной *фантомами*, поэтому состояние тех героев понимаю хорошо. Не хотелось бы стать чьим-то поздним ужином. Кстати, об этом...

Корм у Марлина почти закончился, и я делаю мысленную пометку: «Захватить в зоомагазине пару упаковок». Один ушедший мальчишка достал рыбку из прошлого, чтобы не чувствовать себя одиноко. Не знаю, помогло ли ему это, но мне дополнительных забот поприбавило точно.

Никто, кроме меня, возиться с Марлином не захотел. Базз даже предлагал смыть его в унитаз, а Уиджи — приготовить из него суши. Кензи удалось подкупить батончиками, но он быстро научился притворяться забывчивой рыбкой Дори, не вспоминая о своих обязанностях, которые изначально мы поделили поровну. Но я на них не в обиде.

Привязанность всегда давалась мне с трудом, поэтому домашнего питомца у родителей я не просил. И теперь

посмотрите, куда завела меня *нежизнь*. Оттираю со стенок аквариума зеленую муть, пока остальные веселятся на кухне мотеля.

Марлин виляет плавником, подплывая к поверхности, и выпрашивает еду.

— Прости, приятель, — высыпаю я ему остатки. — Придется потерпеть до завтра.

Он подпрыгивает на пузырьках аэратора, выказывая возмущение.

— А кому здесь легко...

По всем подсчетам, Марлин должен был отдать концы еще год назад, но, похоже, ему с нами нравится и уходить он не планирует. Базз считает, будто рыбку здесь держит та же неведомая сила, что и мертвых мальчишек, ведь обычно с их уходом пропадают и пурпурные вещи, но Марлин — посмотрите-ка! — никуда не собирается. Хотя... Возможно, в следующий раз, когда я зайду в магазин, Марлин исчезнет так же неожиданно, как и появился.

Собрав все необходимое, я прячу рюкзак под коробками за прилавком, чтобы никто ничего не вытащил, и выключаю свет. Сна ни в одном глазу, поэтому я огибаю магазин, дохожу до мотеля рядом и забираюсь по ржавой пожарной лестнице на крышу.

Наверху никого, и этот факт несказанно радует.

Я сажусь на край выступа и свешиваю ноги, вглядываясь в огни города.

Грозовые облака разошлись, оставив в память о себе ленивый ветер. Он изредка раскачивает потухшую неоновую вывеску мотеля над моей головой, а лунный свет разливается над рощей роз; отсюда бутоны кажутся совсем крошечными.

Днем цветы вдоволь напитались углекислым газом и водой, выделяя при этом побочный продукт в виде кислорода.

С приходом ночи процессы замедлились, но не остановились насовсем. Сейчас, когда цветы мирно спят, свернув лепестки, в хлоропластах образуются простые сахара, замыкающие цикл.

Ничто не уходит в никуда. Все мы чем-то да будем. И даже звезды над Гротовроузом когда-то станут чем-то иным, отличным от своей первоначальной формы. Ученые выяснили: если светило достигает массивных по меркам Вселенной размеров, то после взрыва оно превращается в настоящий космический фейерверк.

Красивый конец, не правда ли?

Хотя «красота» — спорное для науки явление, поэтому я предпочитаю говорить «социальный конструкт, навязанный человеком». Базз постоянно называет это «конструктором», чем выводит меня из равновесия, но вернемся к астрономии...

Порой привычные нам звезды — это следы того самого фейерверка. Смотрю я на сияющие точки в небе и все никак не могу выкинуть из головы: некоторые из них мертвы — давно погасли.

Насовсем.

Наверное, это и есть «смотреть в прошлое». Мне эта романтика дается с трудом. Не понимаю, зачем люди веками цепляются за что-то столь... бесполезное.

Есть такой красный гигант в созвездии Орион — Бетельгейзе. На расстоянии пятисот световых лет от Земли. Он ближайшее к нам светило, способное взорваться в любой момент. Бах! И нет его.

Жаль, мы не услышим, с каким звуком умирает частичка Вселенной. Возможно, увидим вспышку сверхновой где-то там, куда многие и не поднимут глаз из-за бытовых проблем — тех, что остаются на земле, а не нависают над головой.

Сначала на нас прольется дождь из безмассовых частиц, называемых нейтрино, а затем Бетельгейзе будет некоторое время напоминать о себе свечением, подобно Луне, медленно и тихо угасая, будто и не было этого гиганта. Наверное, станет тихо. Очень тихо.

А что есть тишина? Для многих — отсутствие звука. Но слышим ли мы ее? Этим вопросом я задался недавно, сидя здесь же, на крыше, пока вдалеке в честь праздника основания Гровроуза гремел салют. И я бы непременно им наслаждался, не раздражай меня шум.

Раз наша барабанная перепонка улавливает волновые колебания, значит, она работает непрерывно, верно? Но для чего? Чтобы понять: есть звук или его нет. Исходя из этого, получается, что мы и правда слышим тишину. Так я, по крайней мере, решил. И она для меня звучит гулом шумодава, когда подключаешь наушники к смартфону. Приятным ощущением уединения.

— Иисусе, Грейнджер, — слышу я, как из бочки, Ромео. Его голос доносится от пожарной лестницы слева и перемешивается с громоханием ступенек. — Ты опять в моем гнездышке. А я тут, между прочим, наблюдаю за птичками...

— Оно не твое. — Я стягиваю наушники из вежливости и с неохотой. — Потому что ты мертв, а мертвецам собственность не полагается. Можешь подать в суд. Но ты мертв, а ме...

— Да-да, я принял к сведению, зануда.

Он подходит ко мне, садится слишком близко, подгибая одну ногу под себя, и я отодвигаюсь. Не в обиду. *Не люблю* прикосновения. Мое личное пространство измеряется длинной вытянутой руки. В плохие дни — даже двух.

— А мертвые в суд не ходят, — заканчиваю я предложение, ведь иначе не могу.

Поэтому *не люблю*, когда меня перебивают.

Вот, посмотрите-ка! Ромео уже несколько раз нарушил мои правила. С ним всегда непросто. Шумный прилипала, которого я видел в последний раз без улыбки разве что... в гробу.

Конечно, это умышленная гиперболизация. Ромео умеет плакать. Например, над мультфильмами про умирающих животных. Мать Бэмби, Муфаса... И каждый раз как в первый.

В том году я спросил его прямо в лоб: «Почему ты их смотришь, раз они тебя расстраивают?» А он зачесал волосы пальцами и выдал: «Пока ты не задал вопрос, я и не задумывался. Наверное, проверяю, не умер ли я внутри».

Тогда я не понял ровным счетом ничего, а теперь, спустя столько туманных ночей, некоторые вещи стали для меня проясняться. Хоть мы и мертвые мальчишки, но не гнием заживо. И почти все болезни тела в *нежизни* нас оставили. Чего не сказать о стенаниях души...

Но эти рассуждения не для меня. И понятие душевности мне чуждо. Я верю в сознание. А мальчишки часто ведут дискуссии о прошлом, настоящем и том, что ждет нас *там* — за билбордом.

«Ничего», — вертится на языке, но... никогда не слетает.

— Зациклился на звездах из-за новенького? — Ромео прикрывает веки и подставляет лицо прохладному ветру. — Молчишь, аж в сон потянуло.

На подсчете я застревал и при жизни. Помню, мне было одиннадцать. Мы с родителями отправились в большой город. Небоскребы пробивали крышами облака, и я не мог отвести взгляд от бликующих на солнце окон. Такие сооружения мне доводилось видеть только в кино и на открытках, которые я часами рассматривал на стенде в редакции местной газеты. В реальности — ни разу.

И вот опаздываем мы на самолет, а передо мной, как из-под земли, вырастает здание из стекла. То ли офис, то ли элитное жилье. Я застыл с открытым ртом и стал считать этажи. Родители — особенно мама — все подгоняли, сбивая меня, и приходилось начинать заново. Произошла сенсорная перегрузка, и я на всю улицу закричал. А вокруг еще люди, машины и шум. *Много шума*. Пришлось закрыть уши руками, и только тогда мир затих.

Этажи я досчитал, но на самолет мы, естественно, опоздали. Мама *злилась* на папу. Папа *злился* на маму. Тогда я и понял, что на самом деле *злятся* они на меня, однако здравый смысл и общественное порицание не позволяли им делать это открыто. И в будущем, стоило ругани вспыхнуть вновь, я ощущал виноватым себя. Даже в те моменты, когда это очевидно было не так.

— Ничего я не заиклился, — резко отвечаю я, оторвавшись от неба, и следом ворчливо добавляю: — Может, немного.

Кошусь на Ромео. Тот поворачивает ко мне голову, приоткрыв один глаз, и усмехается:

— Начнешь считать звезды и заиклишься — зови. Мы же друзья.

Какой же приставучий мальчишка! Я заметил: если ты одинок, то склонен называть «дружбой» то, что обычно зовут «приятельством». Ромео — самая яркая звезда из нас всех. Но иногда мне кажется, будто он притворяется, а внутри — стремительно мчится к сверхновой.

— Мы не друзья, — бурчу я, всматриваясь в редкие огни Гривоуза по ту сторону роши.

Ромео с шумом втягивает воздух. Затем не спеша — точно оттягивая момент — встает, отряхивает джинсы и легонько пинает меня мыском кед:

— Дурак ты, Грейнджер.

Ромео

Jagwar Twin — Happy face

Обида съедает мое нутро, поскольку я выбираю проглотить ее не пережевывая. Грейнджер неисправим. Да и стоит ли его чинить? Любого из нас... Все мы здесь сломаны. Сданы в утиль. И кто знает — возможно, на выходе через переработку из наших душ что-нибудь путное да выйдет. За свою, правда, уже не ручаюсь.

Восковая улыбка сходит с моего лица, и я спрыгиваю с лестницы на песок, чувствуя, как сводит скулы. Без гитары за спиной под кожей ощущается зуд. А с ней я чувствую себя так, словно ангел похлопывает меня по плечу в самый паршивый день, поддерживает и оберегает.

«Почему ты не улыбаешься? — спросила приемная мать, когда мы стояли в центре моей новой комнаты. — Такой красивый мальчик — и хмурый». Я сжимал в кулачке медиатор и не мог поверить, что наконец-то обрел дом. *Настоящий*. Не из фантазий перед сном, а тот, где можно побродить, который можно потрогать и рассмотреть.

Теперь у меня есть родители, и мечты *обязательно* сбываются, но уже тогда в женщине, формально названной «мамой», сквозил холод. Я не мог его осознать, ведь он был чем-то глубоким и непостижимым. Но я его *чувствовал*.

В том, как она не дала попрощаться с детьми, которые стали мне роднее взрослых. «Они чумазые, а твоя новая рубашка из шелка, милый. Приедем к ним в другой раз. Не хочется попасть в пробки». И эти ее слова стали первым обманом. Ведь в приют мы так и не вернулись.

В том, как в машине я уронил долгожданное пирожное. Мать больно меня одернула и отчитала за недостойное для юного джентльмена поведение. На заправке водитель

спрятал в моей ладошке конфету, и обида на мать постепенно затихла, а вера во взрослых — возросла.

В том укоризненном замечании, стоило мне побежать в сад за бабочкой и наступить на идеально подстриженный газон, об идеальности которого я даже не догадывался.

«Ну же, улыбнись», — повторила она настойчивее, пока мы застыли посередине комнаты, точно часть щепетильно подобранного интерьера. А мне не хотелось выбиваться из обстановки, поэтому я вспомнил страшные рассказы о возвращенных в приют проблемных детей и последовал последним наставлениям воспитательницы о послушании.

«А вдруг мне и гитару подарят?» — подумал семилетний я и улыбнулся.

Увидев, как растянулись мои губы, приемная мать с одобрением во взгляде погладила меня по голове и улыбнулась в ответ. Так и закрепилось: если хочешь получать от этой гребаной жизни хоть что-то хорошее — притворяйся и будь прилежным. Никому, кроме тебя, твое унылое дерьмо не нужно.

На кухне мотеля горит свет, и в окне мельтешат силуэты мальчишек. Я отряхиваю подошвы и захожу внутрь. В моей семье никто готовить не умел. Ходили в наши рестораны. В городе их три: два принадлежат отцу, а еще один находится в казино. Дома еду готовила эмигрантка, работавшая у нас на полную ставку и там, где подвернется. Орава детей часто встречала ее после смены, громко крича «мамочка», а я подглядывал из окна, порываясь пойти следом.

Жители из соседних районов, которые пользовались ее услугами в сытные месяцы, называли женщину «прислугой». И слетало это с их губ уничижительно и с пренебрежением. Для статусности. А на деле ни особняка, ни богатств у них, как в моей семье, не водилось. Так... пластмассовые богачи

по меркам Гровроуза, которые любили скорее «казаться», чем «кем-то быть». Я же всегда обращался к ней с уважением. И готовила она и впрямь потрясающе.

Мне часто хотелось испытать те ощущения, когда ты переступаешь порог родительского дома — и тебя обволакивает аромат выпечки или жаркого. Это было у Кензи. Я с завистью смотрел на семейную идиллию друга, приходя к нему в гости по выходным. Тогда ничего о болезни его отца я не знал. *Никто не знал*. Пока все не стало... безвозвратным.

В нос бьет вонь моющего средства, вытаскивая из воспоминаний за шиворот, и к ней примешивается запах подгоревшей на сковородке яичницы, еще горячих тостов и постоянного «посетителя» нашей берлоги — бензинового амбре. Хотя резервуары с топливом под землей давно опустели и для электрогенератора мы вынужденно таскаем канистры с другого конца города, отголоски былой жизни здесь повсюду. В глубоких — пусть и заметенных временем — следах от шин бензовозов на подъезде. В испачканных мазутом перчатках, завалившихся за спинку дивана. В масляных следах на дверных ручках в комнатах мотеля, где останавливались дальнобойщики. И, кажется, в нашу кожу, волосы и одежду, как и в стены, запахи заправки впитались навсегда.

— Где Грейнджер? — Базз вытряхивает остатки чипсов себе в рот, и крошки падают на пол. Я беру веник и аккуратно сметаю их в совок.

— Да дрочит на крыше, — подтрунивает Кензи с леденцом во рту. — Интересно, кто кого: экзистенциальный кризис против Грейнджера. Ваши ставки, господа.

— Эк-зис-те... — Базз пытается выговорить слово, но выходит со скрипом.

Кензи хмыкает и указывает себе на грудь:

— Это как экзоскелет, но внутри.

Базз делает глоток лимонада и смачно рыгает:

— А-а-а! Вот почему Грейнджер такой зануда! Хрупкий? Ему бы подкачаться.

— Придурки, — говорю я, отталкиваю Базза от мусорного ведра и выбрасываю туда крошки. — Это о ментальной броне.

— И откуда столько слов понабрали... — зевает Базз.

Кензи вылезает из-за стола и подхватывает свой блокнот:

— Пойду проверю новенького.

Я отряхиваю руки над раковиной и поправляю тарелки в сушилке. Опять они расставлены не по цветам. Грейнджера удар хватит. «Порядок в доме — порядок в голове», — передразниваю я гнусавый голос. Если с первым помочь можно, то со вторым... Самому бы разобраться.

— Бушь? — Базз протягивает мне шоколадный батончик, жуя и чавкая. — А то последний.

— Не, сам ешь. Спасибо.

На кухню заходит Уиджи. Видок у него весь такой: «Я занят, олухи, чем бы занять и вас». Он ставит у холодильника набитый рюкзак и залпом опустошает стакан питьевой воды, запас которой тоже предстоит пополнить завтра ночью.

Наш лидер и Грейнджер всегда готовятся к вылазкам заранее, чего не скажешь об остальных. Мы предпочитаем тянуть до последнего, чтобы в минуту опасности обоссаться со страху и проявить смекалку. По крайней мере, я себя именно так и оправдываю.

Уиджи скрещивает на груди руки, и из его кармана выпадают белые провода от наушников.

— Не хотелось бы лицезреть, как один из вас за еду бежит по роще голышом.

— Не бегал я за еду, — возмущается Базз и высокопарно, несвойственно для него складывает пальцы в щепотку на итальянский манер. — Я бегал за идею.

Уиджи хмыкает:

— Это ты слова Грейнджера повторил, когда он тебя уговаривал светить задницей?

— Ну, допустим.

Пару месяцев назад Грейнджер предложил нам попробовать преодолеть линию билборда без одежды. Снизить, так сказать, сопротивление. Мы посмеялись и, конечно, не согласились. Даже за пару батончиков, которые этот умник ныкает от нас по углам, потому что сам от сахара шарается, точно вампир от чеснока. Видать, по старой памяти.

Каждый раз, если ему нужно наше участие в его безумных экспериментах, шоколад становится валютой. Как видите, без капитализма ни-ку-да.

— Признайся уже, нудист хренов, — ржу я над Баззом. — Ты бы и без батончиков согласился.

Базз лыбится:

— Ты за кого меня принимаешь? Я и бесплатно задницей сверкать? Да ни в жизнь! Но тебе могу показать и за бесплатно.

Он приспускает спортивные штаны, будто на фоне заиграла дешевая музыка из стриптиз-бара. Я хватаю кухонное полотенце и смачно луплю его им под зад. Потом стягиваю его штаны до щиколоток, чтобы Базз не смог меня догнать, и даю деру в коридор.

— Ах ты, мелкий выхухоль! — орет он мне вслед.

Я несусь прочь, хохоча во все горло, а Базз спотыкается, натягивая штаны. Справившись с задачей, он бежит за мной, но я успеваю захлопнуть дверь своей комнаты прямо перед его кривым носом. Затем отклеиваю выцветший

постер с фильмом «Пятый элемент» и посылаю воздушный поцелуй в дыру:

— В другой раз, чумба*!

Это отверстие Базз оставил кулаком в первые месяцы нашей притирки, и таких отпечатков его гнева по мотелю немерено. Я возвращаю плакат на место и щелкаю кнопкой настенного светильника, который — естественно! — пару раз с треском мигает и только потом тускло загорается под потолком моей конуры.

У меня есть время перед вылазкой, и я планирую отжаться сну. Кровать не заправлена со вчера. Надеюсь, она хотя бы не воняет, как моя одежда в мешке для мусора рядом. Еще немного — и придется клеить у входа виниловую наклейку «Зона биологической опасности». Эту идею подал Кензи, когда зашел в комнату Базза и чуть не задохнулся.

Базз бегает каждое утро. *Каждое*, ей-богу. Знаю, он делал это и до болезни, пока брат не уехал в горячую точку и... не вернулся. И хоть этот дурень не признается, я уверен: именно наворачивая круги вокруг кладбища, он чувствует себя по-настоящему счастливым. В солнечные дни мне даже кажется, что вместо одной фигуры я вижу две, будто братья бегут плечом к плечу. Но потом протираю глаза — и иллюзия рассеивается.

А с грязным бельем у нас сложности. Приходится раз в неделю таскать барахло в прачечную, а это недалеко от центра города, где постоянно ошиваются *фантомы*. В такие моменты я проклиная *нежизнь* особенно рьяно. Тем более в паре с Кензи, который то мою белую рубашку стирает

* От афроамериканского сленга *chombatta* или *choomba*, что означает «близкий друг». В русский язык слово пришло из игры Cyberpunk 2077.

с черной одеждой, то устроит пенную вечеринку, не считав количество моющего средства.

«Почему никто не выдумал нам стиралку?» — хоть раз размышлял любой из мальчишек. Но потом мы вспоминаем, как поколение до нас притащило из супермаркета целый генератор. Они обеспечили мотель и заправку перебойным светом, и я благодарен им за это. Но не от всего сердца, поскольку таскать канистры — то еще удовольствие.

Спасибо, хоть вода есть. Ржавая, но мы не жалуемся. Не знаю, сколько сменится поколений, прежде чем мальчишки с кладбища лишатся и этого. Поэтому мы своего рода счастливики.

Стянув через голову толстовку, я подхожу к заляпанному зеркалу в углу конуры и смотрю на свое отражение, напрягая и расслабляя пресс. Свет от лампы подсвечивает витающие в воздухе пылинки и все те недостатки, которые я в себе так ненавижу.

Бока заплыли, хотя стараюсь держать вес. Бицепсы подсулись вопреки новой белковой диете. А грудные мышцы? Я похож на игрушечного кена, лежащего в корзине «Все за доллар» на гаражной распродаже в самом захолустном районе города.

Бросаю штаны на зеркало — лишь бы это разочарование не видеть — и плюхаюсь на матрас. Под моим весом он с протестом поскрипывает. На комодѣ лежит батончик, оставленный, видимо, Уиджи. Постоянно пытается меня откормить, аж бесит.

Ничего он не понимает. *Никто* не понимает.

Рот наполняется слюной при мысли о шоколаде, и я сглатываю.

«Дорогой, пришли результаты твоего взвешивания, — сказала мать, обеспокоенно вглядываясь в экран смартфона, когда мне было четырнадцать. — Ты поднабрал. Давай

я и тебе закажу тех овощных смузи?» А я кивал и улыбался, словно болванчик на присоске на передней панели пикапа.

Не подумайте, будто я кукла без своего мнения. Моя мать была помешана на фигуре и внешности. Мне же ничего не оставалось, и я подстраивался, ведь некрасивого сына она принять не могла. Так оно на подкорке и отложилось: любовь нужно заслужить.

Спасибо отцу. Он относился ко мне как к пустому месту — собачке, подаренной своей жене, которой к сорока годам внезапно наскучила роскошная жизнь. И чем бы я ни пытался заслужить отцовское внимание — без толку. Зато стоило стать разочарованием — и даже холодный папаша меня замечал. Прикладывал, что называется, руку к воспитанию.

И свой жестокий нрав он обосновывал взращиванием во мне мужчины, а мама ласково называла его методы «требовательными». С детства отец вбивал в меня мысль: «До тех пор, пока ты живешь в *моем* доме, будешь подчиняться *моим* правилам». Поэтому каждый раз, приходя в гости к Кензи, я чувствовал дурноту. Его мама лучезарно улыбалась и говорила: «Будь как дома, милый». А это последнее, чего мне хотелось.

В животе урчит, и я переворачиваюсь на бок. Через стенку доносятся приглушенные всхлипы Кеплера. Бедолага. Таким тут бывает тяжелее всего. *Хрупким*. Ему бы поскорее смириться с реальностью — и сразу станет легче. Всем нам. Проблемных мальчишек никто не любит.

«Не расстраивай маму, а то ведь знаешь, что будет, — вырываются из воспоминаний отцовские слова перед тем, как я проваливаюсь в сон. — Непослушных щенков выбрасывают на помойку».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

